

«ДА МЕЩЕТ ПАСТЫРЬ, КАК КАМНЕМ, ГРОЗНЫМ СЛОВОМ...»
(«Лествиця» Іоанна Лествичника та
другий том «Мертвих душ» Миколи Гоголя)

Великого значення надавав Микола Гоголь слову. У «Вибраних місцях із листування з друзями» він зазначав, що слово – «высший подарок бога человеку» [1, VIII, с. 231]. За допомогою слова письменник прагнув «воскресити» людство, «відродити» душі, що тліють у нищості. Паралельно в душі Гоголя йшла титанічна праця над собою, адже виправити суспільство можливо лише за умови власного самовдосконалення, яке відбувалося в письменника шляхом вивчення Біблії, християнської літератури, творів святих отців. Саме з цих джерел митець черпав життєву мудрість і для себе і для своїх творів. В «Авторській сповіді» Гоголь зізнається: «Я оставил на время все современное, я обратил внимание на узнанье тех вечных законов, которыми движется человек и человечество вообще. Книги законодателей, душеведцев и наблюдателей за природой человека стали моим чтением. Все, где только выражалось познание людей и души человека, от исповеди светского человека до исповеди анахорета и пустынноика, меня занимало, и на этой дороге, нечувствительно, почти сам не ведая как, я пришел ко Христу, увидевши, что в Нем ключ к душе человека...» [1, IX, с. 443].

Одним із «духовних пастирів» для Миколи Гоголя був Іоанн Синайський, або Лествичник, – святий преподобний, візантійський християнський філософ, письменник VI–VII століття, настоятель Синайського монастиря, відомий як автор «Лествиці (у пер. з церковнослов'янської «драбини») райської». У православній літературі «лествиця» – образ духовного зростання. Його джерело – Книга Буття, опис видіння патріарха Іакова: «И увидел во сне: вот, лестница стоит на земле, а верх ее касается неба; и вот ангелы Божии восходят и нисходят по ней» [Бут. 28: 12–13].

На думку В. Воропаєва, знайомство Гоголя з цією книгою відбулося до 20-х рр., коли письменник робив виписки з «Лествицы, возводящей на небо» прп. Іоанна Лествичника (М., 1785) [2, с. 828–829]. Іван Єрофіїв, досліджуючи архівні матеріали Музею Слобідської України, у 1926 році повідомив про невідомий доти рукопис Гоголя «Из книги: Лествица, возводящая на небо» на 92 стор., який зберігався серед паперів М. Грибановського, наближеного до сім'ї родичів

письменника. Дослідник слушно стверджував, що «вибірки, зроблені Гоголем, є типові у своїх темах до настроїв у часи «Листування з друзями»: «О подвизании, об уклонении от мира, о послушании, о покаянии, о гневе, о безгневии, о кротости» й т. ін. Тут зародки того наставництва, яке взяв на себе Гоголь щодо інших, чи у II частині «Мертвих душ»...» [3, с. 175].

Ще з раннього дитинства образ «драбини» супроводжував письменника й мав символічний характер. «Коли Гоголь був маленьким, бабуся Тетяна Семенівна розказувала йому про драбину: її спускали з неба ангели, подаючи руку душі померлого. Якщо драбина мала сім сходин, то на сьоме небо піднімалась душа, якщо менше – значить, нижче доводилось їй перебувати. Сьоме небо – небо Раю – було високо», – пише Ігор Золотуський [4, с. 100].

Усе життя Миколи Гоголя також є своєрідною драбиною до Бога, про що свідчать і останні передсмертні слова письменника: «Лестницу, поскорее, давай лестницу!» [5, с. 862]. Лікар Тарасенков, під наглядом якого був Гоголь в останні дні життя, зазначав: «Взявши собі за зразок і настанову Іоанна Лествичника, улюблену його книгу, він старався досягати вищих сходин...» [5, с. 865].

Образ драбини неодноразово трапляється в багатьох листах (до матері від 24 липня 1829 року: «Теперь собираюсь с силами писать к вам, не могу понять, отчего перо дрожит в руке моей, мысли тучами налегают одна на другую, не давая одна другой места, и непонятная сила нудит и вместе отталкивает их излиться пред вами и высказать всю глубину истерзанной души. Я чувствую налегшую на меня справедливым наказанием тяжкую десницу всемогущего; но как ужасно это наказание! Безумный! я хотел-было противиться этим вечно-неумолкаемым желаниям души, которые один бог вдвинул в меня, претворил меня в жажду ненасытимую бездейственною рассеянностью света. Он указал мне путь в землю чуждую, чтобы там воспитал свои страсти в тишине, в уединении, в шуме вечного труда и деятельности, чтобы я сам по скользким ступеням поднялся на высшую, откуда бы был в состоянии рассеять благо и работать на пользу мира. И я осмелился откинуть эти божественные помыслы и пресмыкаться в столице здешней между сими служащими, сдерживающими жизнь так бесплодно. Пресмыкаться другое дело там, где каждая минута жизни не утрачивается даром, где каждая минута – богатый запас опытов и знаний. Но изжить там век, где не представляется совершенно впереди ничего, где все лета, проведенные в ничтожных занятиях, будут тяжким упреком звучать душе. – Это убивственно!» [1, X, с. 145–146], у 1842 році Гоголь зізнався

В. А. Жуковському: «...живет в душе моей глубокая, неотразимая вера, что небесная сила поможет взойти мне на ту лестницу, которая предстоит мне, хотя я стою еще на нижайших и первых ее ступенях. Много труда и душевного воспитания впереди еще!» [1, XII, с. 69], а через рік Гоголь передбачав свою довгу дорогу виховання: «Долгое воспитанье еще предстоит мне, великая, трудная лестница» [1, XII, с. 156]) і майже в кожному творі Гоголя. Прикметно, що вперше цей образ з'являється в «Майській ночі»: «Ни один дуб у нас не достанет до неба, – сожалеет красавица Ганна. – А говорят, однако же, есть где-то, в какой-то далекой земле, такое дерево, которое шумит вершиною в самом небе, и Бог сходит по нем на землю ночью перед Светлым праздником. – Нет, Галю, – отвечает ей казак Левко, – у Бога есть длинная лестница от неба до самой земли. Ее станowią перед Светлым Воскресением святые архангелы; и как только Бог ступит на первую ступень, все нечистые духи полетят стремглав от земли и кучами попадают в пекло, и оттого на Христов праздник ни одного злого духа не бывает на земле» [1, I, с. 155].

Прототипом Акакакія Акакійовича з «Шинелі», на думку Дріссена, Зеємана, Чинці де Лотто [6], є Акакій Савваїт, про якого ми дізнаємося з «Лествиці» (О Преподобном Акакии).

Не випадково акмеологічною точкою розвитку образу «драбини» є заключна стаття «Вибраних місць» «Світле Воскресіння», де Гоголь закликає хоча б цей день «провести не в обычаях девятнадцатого века, но в обычаях вечного века, в один бы день только обнять и обхватить человека, как виноватый друг обнимает великодушного, все ему простившего друга... хотя бы только насильно заставить себя это сделать, ухватиться бы за этот день, как утопающий хватается за доску! Бог весть, может быть, за одно это желанье уже готова сброситься с небес нам лестница и протянуться рука, помогающая взлететь по ней» [1, VIII, с. 416]).

Створення «Мертвих душ» письменник також пов'язує з духовним ростом, самовдосконаленням: «Сочиненья мои так связаны тесно с духовным образованием меня самого...» [1, XII, с. 222]; «Я иду вперед – идет и сочинение, я остановился – нейдет и сочинение» [1, XII, с. 332]. У поемі образ «драбини» зустрічається 13 разів у першому томі й один раз у другій частині: «В самых дверях на лестницу – навстречу Муразов. Луч надежды вдруг скользнул. В один миг с силой неестественной вырвался он из рук обоих жандармов и бросился в ноги изумленному старику... Еще день такой грусти, и не было бы Чичикова вовсе на свете. Но и над Чичиковым не дремствовала чья-то всеспасающая рука. Час спустя двери тюрьмы растворились: взшел

старик Муразов» [1, VII, с. 109]. Прикметно, що Муразов трапляється Чичикову саме на сходях (пор. «...Павел, стоя на лестнице, дал знак рукою народу» [Деян. 21: 40]), адже образ сходів трактується в Біблії як поєднання «неба і землі» – духовного й земного [7, с. 384]. Символічне й відвідування Чичикова Муразовим у в'язниці (пор. зі словами «Лествиці»: «Слышал я... о чудном некотором и необычайном состоянии и смиреннии осужденников, заключенных в особенной обители, называемой Темницей... Потому, находясь еще в обители этого преподобного, я просил его, чтобы он позволил мне посетить это место...») [8, с. 74].

Об'єктом уваги читача може бути не лише образ сходів у творчості Гоголя і, зокрема, другому тому поеми, а й перегуки шляхів відродження героїв, які за своєю природою цілком повторюють «скрижалі» Іоанна Лествичника. І це також невипадково, адже ціль обох майстрів слова була однаковою – удосконалити людську душу, повернути її до служіння Богові.

У гоголезнавстві поширена думка про аналогії поеми «Мертві душі» з «Божественною комедією» Данте. Другу частину поеми дослідники зазвичай асоціюють з Чистилищем Данте. Так, американський вчений М. Шапіро асоціює гріхи героїв другого тому поеми з гріхами дантівських героїв, тобто сімома смертними гріхами: гордощами, задрощами, гнівом, моральними лінощами, сріблостямом, обжерством, ласолубством [9, с. 48].

Названі гріхи в тій чи іншій мірі притаманні героям другого тому «Мертвих душ», адже в цілому Тентетнікова та Бетрищева переповнюють гордість, задрощі, у розмові Уліньки з генералом та в образі Костанжогло розкривається природа гніву, Тентетніков, Платонов і Хлобуєв – морально ліниві, від ненажерства страждає Петух, любострасністю та сріблостямом тішиться Чичиков тощо. Герої Гоголя, як і дантівські, проходячи своєрідне очищення, повинні позбавитися цих «пристрастей». Рецепти сходження до духовного життя Іоанна Лествичника передбачають позбавлення означених гріхів (пор. Слово 8. О безгневии и кротости, Слово 13. Об унынии и лености, Слово 16. О сребролюбии тощо).

Іоанн Лествичник у своїй книзі подає правила-повчання сходження людини до внутрішнього вдосконалення. Тридцять слів формують своєрідну «драбину», сходження по якій відкриває нову сутність духовного життя: перші 23 «щаблі» присвячені гріхам, решта 7 – чеснотам. «Лествиця» двочастинна: одні слова-правила призначаються для чернечого способу життя (приміром, Слово 1. Об отречении от жития мирского, Слово 3. О странничестве, то есть уклонении от

мира тощо), інша частина звернена до будь-кого, хто прагне духовного ества. Саме «рецепти» другої частини «запозичує» письменник для зображення характерів другого тому «Мертвих душ».

В 11 главі першого тому «Мертвих душ» Гоголь, описуючи формування характеру Чичикова, зазначав: «Но есть страсти, которых избранье не от человека. Уже родились они с ним в минуту рождения его в свет, и не дано ему сил отклониться от них» [1, VI, с. 242]. Відомо, що в монастирській бібліотеці зберігався екземпляр першого видання «Мертвих душ» з примітками Гоголя, який належав графу О. П. Толстому. На полях 11 глави, навпроти цього місця, автор занотував: «Это я писал в «прелести», это вздор, прирожденные страсти – зло, и все усилия разумной воли человека должны быть устремлены для искоренения их. Только дымное надмение человеческой гордости могло внушить мне мысль о высоком значении прирожденных страстей – теперь, когда стал я умнее, глубоко сожалею о «гнилых словах», здесь написанных. Мне чуялось, когда я печатал эту главу, что я путаюсь, вопрос о значении прирожденных страстей много и долго занимал меня и тормозил продолжение «Мертвых душ». Жалею, что поздно узнал книгу Исаака Сирина, великого душеведца и прозорливого инока. Здравую психологию и не кривое, а прямое понимание души, встречаем у подвижников-отшельников. То, что говорят о душе запугавшиеся в хитросплетенной немецкой диалектике молодые люди, – не более как призрачный обман. Человеку, сидящему по уши в житейской тине, не дано понимания природы души» [10, с. 303].

Гоголь уже в першому томі поеми передбачає відродження героя: «И, может быть, в сем же самом Чичикове страсть, его влекущая, уже не от него, и в холодном его существовании заключено то, что потом повергнет в прах и на колени человека пред мудростью небес» [1, VI, с. 242]. У «Лествиці» Іоанн Синайський теж подає зародження й розвиток пристрасті в душі людській. Головними пристрастями, на думку Лествичника, є славолюбство, ласолубство, срібллюбство, які породжують гнів, злопам'ятність, смуток, пихатість, гордість.

Перший герой, з яким зустрічається читач другого тому «Мертвих душ», – «копитель неба» Тентетніков. З тексту відомо, що він у відставці, бо «Федор Федорович Леницын, начальник одного из отделений, помещавшихся в великолепных залах, вдруг ему не понравился». Дядько героя наполягав: «Ради самого Христа! помилуй, Андрей Иванович, что это ты делаешь? Оставляют так выгодно начатый карьер из-за того только, что попался не такой, как хочется, начальник! Помилуй! Что ты? что ты? Ведь если на это глядеть, тогда

и в службе никто бы не остался. Образумься! Отринь гордость, самолюбье, поезжай и объяснись с ним!» [1, VII, с. 17]. Не помирился Тентетников і з генералом Бетрищевим. Герою здалося, «что он стал к нему холоднее, не замечал его, или обращался как с лицом бессловесным; говорил ему как-то пренебрежительно: *любезнейший, послушай, братец*, и даже *ты*» [1, VII, с. 25].

Гордість Тентетнікова спотворює його життя, воно стає приречене на духовний занепад. «Разумеется, – пишет Гоголь, – с этих пор знакомство между ними прекратилось, и любовь кончилась при самом начале. Потухнул свет, на минуту было блеснувший, и последовавшие за ним сумерки стали еще сумрачней. Всё поворотило на жизнь, которую читатель видел в начале главы, – на лежанье и бездействие» [1, VII, с. 25]. У «Лествиці» читаємо: «Гордость есть крайнее убожество души, которая мечтает о себе, что богата, и находясь во тьме, думает, что она во свете; Сия скверная страсть не только не дает нам преуспевать, но и с высоты низвергает» [8, с. 170–171]. Збігами відзначені навіть символічні образи світла–темряви, які присутні в обох висловлюваннях.

Пихатість генерала Бетрищева – головна вада героя: «Он не любил всех, которые ушли вперед его по службе, и выражался о них едко, в колких эпиграммах. Всего больше доставалось его прежнему сотоварищу, которого считал он ниже себя и умом, и способностями, и который, однако же, обогнал его и был уже генерал-губернатором двух губерний, и, как нарочно, тех, в которых находились его поместья, так что он очутился как бы в зависимости от него. В отместку язвил он его при всяком случае, порочил всякое распоряжение и видел во всех мерах и действиях его верх неразумия. В нем было всё как-то странно, начиная с просвещения, которого он был поборник и ревнитель; любил блеснуть и любил также знать то, чего другие не знают, и не любил тех людей, которые знают что-нибудь такое, чего он не знает. Словом, он любил немного похвастать умом» [1, VII, с. 38] – пор. настанови Лествичника: «Тщеславие, по виду своему, есть изменение естества, развращение нравов, наблюдение укоризн. По качеству же оно есть расточение трудов, потеря потов, похититель душевного сокровища, исчадие неверия, предтеча гордости, потопление в пристани, муравей на гумне, который, хотя и мал, однако расхищает всякий труд и плод. Муравей ждет собрания пшеницы, а тщеславие собрания богатства: ибо тот радуется, что будет красть; а сие, что будет расточать» [8, с. 161]. Лествичник пояснює, що пихатість – це початкова стадія гордості.

У виписках Гоголя із творів святих отців і богослужбових книг, знайдених після його смерті, знаходимо деякі правила з «Лест-

виці» Іоанна, зокрема ті, що стосуються гніву і негнівання (напр.: «Безгневие есть преодоление естетства, которое подвигами <и потами> своими ко всяким ударам обид делается нечувствительно. Кротость есть неподвижное души состояние, которое как в бесчестии, так и в чести одинаким образом пребывает. *Начало безгневия* есть молчание уст при возмущении сердца. Середина оногo есть безмолвие помыслов при крайнем смятении душевном. Конец же оногo есть неколебимое при порывистом нечистых страстей дыхании душевное спокойствие» або: «Текущий к бесстрастию и Богу всякой тот день почитает для себя потерянним, в который никто его не злословит. Как колеблимые от вихря дерева глубоко свои корни в землю пушают, тако и пребывающие в сем состоянии (в источнике: пребывающие в послушании) имеют крепкие и непоколебимые в себе души» [2, с. 467–468].

Природу гніву розкриває Гоголь в образах Костанжогло й Уліньки, які де в чому не відрізняються від інших героїв, наприклад, у стриманні гніву чи суперечках: «Если бы кто увидал, как внезапный гнев собирал вдруг строгие морщины на прекрасном челе ее и как она спорила пылко с отцом своим...» [1, VII, с. 24]. Гнів героїні немов би оправданий: «Но гнев ее вспыхивал только тогда, когда она слышала о какой бы то ни было несправедливости или дурном поступке с кем бы то ни было. Но никогда не гневалась и никогда не споривала она за себя самоё и не оправдывала себя. Гнев этот исчезнул бы в минуту, если бы она увидела в несчастии того самого, на кого гневалась. При первой просьбе о подаении кого бы то ни было, она готова была бросить ему весь свой кошелек, со всем, что в нем ни <было>, не вдаваясь ни в какие рассуждения и расчеты» [1, VII, с. 24]. Та все ж Біблія каже: «Всякое раздражение и ярость, и гнев, и крик... да будут удалены от вас» [Еф. 4: 31]. Гейр Х'етсо, цитуючи отців церкви, зазначає, що сам Гоголь, прагнучи до самовдосконалення, боровся з «гнівом» та «нудьгою...» [11, с. 9], а у своїх виписках із «Лествиці» Іоанна письменник занотував: «Жалостливое во гневливых людях приметил я зрелище, от потаенной гордости у них случающееся. Ибо они и на то гневались, что изнемогали от гнева. Удивлялся я, видя, что у них порок за пороком следовал, и сожалел, что грех грехом отмщевали, и весьма чудился бесовскому коварству, которое доводило их почти до того, что они о жизни <своей> отчаевались [2, с. 467].

Фразу «Обедали?» зустрічає своїх гостей Петро Петух: «Обедали?» спросил хозяин. – «Обедал». – «Что ж вы, смеяться что ли надо мной приехали? Что мне в вас после обеда?» [1, VII, с. 51] – пор. слова «Лествиці»: «Когда пришел странник, чревоугодник весь движется на любовь, подстрекаемый чревонестовством; и думает, что

случай сделать брату утешение есть разрешение и для него. Пришествие других считает он за предлог, разрешающий пить вино; и под видом того, чтобы скрыть добродетель, делается рабом страсти» [8, с. 123].

Основні заняття Петуха – вживання їжі і сон: «...даже и времени нет для скучанья. Поутру проснешься, ведь тут сейчас повар, нужно заказывать обед, тут чай, тут приказчик, там на рыбную ловлю, а тут и обед. После обеда не успеешь всхрапнуть, опять повар, нужно заказывать ужин; пришел повар, заказывать нужно на завтра обед. Когда же скучать?» [1, VII, с. 51], а обжерливість «есть притворство чрева; потому что оно, и будучи насыщено, вопиет: «мало!», будучи наполнено, и расседаясь от излишества, взывает: «алчу»» [8, с. 122].

Моральними відзначеннями у другій частині не лише образ Петуха, а й характер Хлобуєва, Платонова. Ось чому Гоголь, описуючи цих героїв, так часто використовує образ сну, називаючи їх сонними. Сон «есть некоторое свойство природы, образ смерти, бездействие чувств. Сон сам по себе один и тот же; но он, как и похоть, имеет многие причины: происходит от естества, от пищи, от бесов, и, может быть, от чрезмерного и продолжительного поста, когда изнемогающая плоть хочет подкрепить себя сном; Бодрственное око очищает ум, а долгий сон ожесточает душу», – читаємо у «Лествиці» [8, с. 154–156].

Головна мета життя, за Іоанном Лествичником, – воскресіння душі людської, а головні причини загибелі людей – пристрасті ласолюбства, марнославства і срібллюбства. Найбільший срібллюбєць у поемі – Чичиков. Прагнення Чичикова до наживи найпереконливіше виявляється в розмові героя з Костанжогло:

«Уму непостижимо! Каменеет мысль от страха. Изумляются мудрости промысла в рассматриваньи букашки; для меня более изумительно то, что в руках смертного могут обращаться такие громадные суммы. Позвольте спросить насчет одного обстоятельства: скажите, ведь это, разумеется, вначале приобретено не без греха?..»

«Самым безукоризненным путем и самыми справедливыми средствами».

«Невероятно. Если бы тысячи, но миллионы...» [1, VII, с. 75] – пор. «Сребролюбие есть поклонение идолам, дщерь неверия, извинение себя своими немощами, предсказатель старости, предвозвестник голода, гадатель о бездождии» [8, с. 147].

У кінці поеми Муразов висноває:

«Ах, Павел Иванович, как вас ослепило это имущество. Из-за него вы не видали страшного своего положения» [1, VII, с. 110]. Та

Чичиков, ігноруючи слова-постанови, знову виправдовується: «Но ведь судьба какая, Афанасий Васильевич. Досталась ли хоть одному человеку такая судьба? Ведь с терпеньем, можно сказать, кровавым добывал копейку, трудами, трудами, не то, чтобы кого ограбил или казну обворовал, как делают. Зачем добывал копейку? Затем, чтобы [в довольстве остаток дней прожить; оставить что-нибудь детям, которых намеревался приобрести для блага, для службы отечеству]. Вот для чего хотел приобрести. Покривил, не спорю, покривил. Что ж делать? Но ведь покривил только тогда, когда увидел, что прямой дорогой не возьмешь и что косою дорогой больше напрямик [1, VII, с. 110–111] – пор. зі словами «Лествиці»: «Не говори, что собираешь деньги ради нищих; ибо и две лепты вдовицы купили царство небесное» [8, с. 147].

Гоголь, як і Лествичник, зображує внутрішню природу людини, намагається розкрити особливості її характеру, витоки пристрастей, схильностей, самоомани. У завершальних «словах» Іоанна Синайського йдеться про союз віри, надії й любові як найвищі сходинки «лествиці»: «Из одного камня не составляется царский венец: так и бесстрастие не совершится, если вознерадим хотя об одной какой-либо добродетели» [8, с. 262].

Однією з чеснот православної людини є любов до ближнього. Призначення кожної людини, за Гоголем, полягає у виконанні своїх обов'язків, у любові до Бога, до людей: «Смотрите на то – любите ли вы других, а не на то – любят ли вас другие. Кто требует платежа за любовь свою, тот подл и далеко не христианин» [1, VIII, с. 366] – пор. зі словами «Лествиці»: «Тогда всякий из нас познает, что в нем есть братолюбие, и истинная к ближнему любовь, когда увидит, что плачет о согрешениях брата и радуется о его преуспевании и дарованиях» [8, с. 55]. Гоголь у другому томі поеми «Мертві душі» неодноразово торкається саме цієї теми. На думку письменника, саме кохання може розбудити сонну душу Тентетнікова: «Одно обстоятельство чуть было не разбудило его, чуть было не произвело переворота в его характере. Случилось что-то похожее на любовь» [1, VII, с. 23].

Тема любові проявляється також у порадах-настановах перейти на вірний шлях, які звучать Хлобуєву та Чичикову з вуст Муразова, та в епізодах про «черненьких и беленьких». Відомий факт запозичення Гоголем анекдоту про «черненьких и беленьких» у актора М. С. Щепкіна. Для розуміння символічного підтексту фрази Чичикова: «Все требуют к себе любви, сударыня» [1, VII, с. 42] (пор. «По христианству, именно таких мы должны любить» у ранній редакції [VII, с. 164]) важлива розмова Михайла Щепкіна з Миколою Гоголем:

– Как-то недавно прихожу к Гоголю, – так рассказывал

Щепкин. – Он сидит, пишет что-то. Кругом на столе разложены книги, все религиозного содержания.

– Неужели все это вы прочли? – спрашиваю я.

– Все это надо читать, – отвечал он.

– Зачем же надо? – говорю я. Так много написано всего для спасения души, а ничего не сказано нового, чего бы не было бы в Евангелии. А я, признаться, думаю, что всего этого написано слишком много, запутанно.

Тут Гоголь принужденно улыбнулся, сказавши что-то вроде:

– Какой шутник! – А я продолжал.

– Я и заповеди-то для себя сократил, всего на две: любви Бога и любви ближнего как самого себя» [12, с. 313–314].

У «Лествиці» ж сказано: «Любящий Господа прежде возлюбил своего брата; ибо второе служит доказательством первого; Любовь по качеству своему есть уподобление Богу, сколько того люди могут достигнуть; по действию своему, она есть упоение души; а по свойству источник веры, бездна долготерпения, море смирения» [8, с. 263].

Саме слова Муразова, звернені до Чичикова: «У вас нет любви к добру, – делайте добро насильно, без любви к нему. Вам это зачтется еще в большую заслугу, чем тому, кто делает добро по любви к нему. Заставьте <себя> только несколько раз, – потом получите и любовь. Поверьте, всё делается. Царство нудится, сказано нам. Только насильно пробираясь к нему, насильно нужно пробираться, брать его насильно...» [1, VII, с. 114], змушують героя задуматися про своє несправедне життя: «Заметно было, что слова эти вонзились в самую душу Чичикову и задели что-то славлюбивое на дне ее. Если не решимость, то что-то крепкое и на нее похожее блеснуло в глазах его» [1, VII, с. 115].

Попри роздуми героїв другого тому «Мертвих душ» про чесноти, вони перебувають у полоні пристрастей, а «бесстрастие есть воскресение души прежде воскресения тела; ...совершенное познание Бога, какое мы можем иметь после Ангелов» [8, с. 259].

Образ «драбини» важливий для Гоголя. Він червоною ниткою проходить крізь усе його життя і творчість: це прагнення самозростання, самоосвіти та духовного спрямування. Герої письменника, не завжди усвідомлюючи істини, торують інші шляхи, губляться у звеличенні, збагаченні, самолюбстві, гордошах, не шукаючи вузьких воріт їх життєвої дороги. У преп. Іоанна Лествичника книга закінчується повчанням: «Да мечет пастырь, как камнем, грозным словом на тех овец, которые по лености или по чревоугодию отстают от стада; ибо и это признак доброго пастыря»; «Когда тьма и ночь страстей

постигла паству, тогда определяй пса твоего, то есть ум, на неотступную стражу к Богу...» [8, с. 270]. Грізним словом «лікує» морально занедбані душі своїх героїв і Микола Гоголь, прагнучи привести свою паству до Бога.

Іоанна Синайського свого часу величали новим Мойсеєм, який за допомогою «Скрижалів духовних» запропонував «відродження» Візантії. Гоголь, немов наслідуючи Лествичника, вводячи у твори біблійні істини, «правила» внутрішнього очищення, виступає «сучасним Мойсеєм», який прагне воскресити людство, вивести його з полону гріховності, знайти гармонію між божественним і людським законами життя.

Література:

1. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений : в 14 т. – [М. ; Л.] : Изд-во АН СССР, 1937–1952. Посилання на це видання наводимо в тексті, зазначаючи том римськими та сторінки арабськими цифрами.
2. Гоголь Н. В. Собрание сочинений : в 9 т. – М. : Русская книга, 1994. – Т. 8. – 864 с.
3. Єрофіїв І. Новий рукопис Гоголя / Іван Єрофіїв // Червоний шлях. – № 2. – X, 1926. – С. 175–176.
4. Золотусский И. Гоголь / И. Золотусский. – М. : Молодая гвардия, 1984. – С. 100.
5. Шенрок В. И. Материалы для биографии Гоголя / В. И. Шенрок. – М. : Типография Г. Лиснеръ и А. Гешель, 1897. – Т. 4. – С. 862.
6. Див. про знайомство Гоголя з історією св. Акакія та асоціації Акакія Акакійовича з Акакієм Синайським: Driessen F. C. Gogol' als novelist. – Vaarn, 1955. – Blz. 186. ; Seemann K. D. Eine Heiligelegende als Vorbild von Gogol's «Mantel» // Zeitschrift für slavische Philologie. – 1966. – Bd. 33. – Н. 1. – S. 9. ; Шкловский В. Энергия заблуждения. – М. : Сов. писатель, 1981. – С. 314. ; Макогоненко Г. П. Гоголь и Пушкин. – Л. : Сов. писатель, 1985. – С. 316–319. ; Смирнова Е. А. Поэма Н. В. Гоголя «Мертвые души». – Л. : Наука, 1987. – С. 143–144. ; Ч де Лотто. Лествица «Шинели» // Вопросы философии. – 1993. – № 8. – С. 58–83.
7. Библейская Энциклопедия. – М.: Локид-Пресс, 2004. – 768 с. – с. 384.
8. Преподобного отца нашего Иоанна, игумена горы Синайской, Лествица – 2-е изд. – К. : Киево-Печерская Успенская Лавра, 2001. – 320 с.
9. Shapiro M. Gogol and Dante // Modern Language Studies. – 1987. – Vol. 17. – № 2. – P. 37–54. – С. 48.
10. Матвеев П. Гоголь в Оптиной Пустыни // Русская Старина. – 1903. – № 2. – С. 303.
11. Хьетсо Гейр. Гоголь-проповедник: новые материалы // Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. – М. : Наследие, 1995. – С. 11–21.
12. Буслаев Ф. И. Комик Щепкин о Гоголе // «Записки актера Щепкина»: Приложение. Документы. Из критики, переписки, воспоминаний. Рассказы в

записи и обработке современников / изд. подгот. Н. Н. Панфиловой
О. М. Фельдманом. – М. : Иск-во, 1988. – 382 с.

Анотація

У статті йдеться про знайомство Гоголя з «Лествицею» Іоанна Синайського, про втілення образу «драбини» у його творчості; досліджуються перегуки «слів-повчань» Лествичника із зображенням характерів персонажів другого тому «Мертвих душ».

Ключові слова: образ «сходів», характер персонажів, біблейські мотиви.

Аннотация

В статье речь идет о знакомстве Гоголя с «Лествицей» Иоанна Синайского, о воплощении образа «лестницы» в его творчестве; исследуются переключки «слов-наставлений» Лествичника с изображением характеров персонажей второго тома «Мертвых душ».

Ключевые слова: образ «лестницы», характер персонажей, библиейские мотивы.

Summary

The article deals with Gogol's acquaintance with «Lestvitsa» by St. John Sinayskiy, with the embodiment of the image of «stair» in his creation; calls of «words-instructions» by Lestvichnik to the image of characters of the second the volume of «The Dead Souls» are investigated.

Keywords: image of «stair», characters, biblical images.